



ЛЕПЕСТКИ ЗОЛОТОЙ РОЗЫ

Как мы уже сообщали в одном из номеров газеты, наш земляк Теодор Шумовский, проведший всё своё детство в Шамахе, любивший до конца жизни этот город и считавший его местом, где определилась судьба будущего учёного, оставил после себя, кроме уникального стихотворного перевода священного Корана на русский язык, немало других ценных открытий. К примеру, он подарил нам выдающегося средневекового поэта Атааллаха Аррани, имя которого так бы и кануло в Лету, если бы не Теодор Адамович.

Он сам подробно описывает, как нашёл рукопись. Студенческие каникулы летом 1936 года Теодор Шумовский проводил в Шамахе. И вот, гуляя по древнему пригороду и заглядывая в мечети, в одной из них, в вернее, в стеной niche подземной усыпальницы, среди рукописей он нашёл книгу тетрадок, перевязанных накрест. «Первое, на что упал мой взгляд, — писал Шумовский, открывший науку одну из тетрадок, — были слова: «Ва каля айдан». Эта фраза чаще всего ставится в диванах — поэтических сборниках, где она отделяет одно стихотворение от другого. «Стихи?», — прошептал я. Целая книга. Её надо осмотреть очень тщательно. Бережно завернув рукопись в газету, я вышел из подвала, уверенно думая: «Чей же это диван? Какая сенсация!» Рукопись оказалась сборником стихотворений на арабском, отчасти на персидском языках, чаще всего не больших по объёму. Значительная доля приходилась на рубаи. Выяснилось, что из всех традиционных стихотворных размеров поэт пользовался главным образом — тавилем и мутакаррибом. По арабской традиции страницы не были пронумерованы; вместо этого внизу каждой из них перепищик поставил первое слово следующего листа. Изучение показало, что все листы сохранились — отлегло от сердца, можно было спокойно знакомиться с найденным сборником».

Вот что прочитал в нём исследователь: «Атааллах, прозванный Ширвани, я родом из Аррани, поэт и учёный Ширвана, сказал, когда ему повелело сердце... Ведь ум, оглядываясь на обстоятельства, оберегает жизнь, и поэтому, вида сильного врага, приказывает сердцу: молчи! Но как быть, если жизни коротче времени, когда нужно молчать? Ум труслив, а сердце бесстрашно. Много сочинителей сложили погону книг, изучаемых многими поколениями. Я, один из сыновей благословенной столицы поэтов, сложил всего одну книгу, которую прочтёт лишь одно поколение? В жизни моей сошлись Восток и Запад, стужа и пламень, тлен и благоухание. Я родился под жестоким небом, ощущаям меня грозями и ливнями; но солнце, подражая простору неба, возрадо, во мне эту книгу. Если закотят в кадочку её узрившим, — какой выберу? Тюрк назовёт мои стихотворения «книгой златогривого табуна», а перс — «лепестками жёлтой розы», индиче — «звездами жемужного ожерелья», араб — «жемчужными каплями родника в пустыне». Когда выберу? Ищущий, ты найдёшь здесь всё это, если Аллах — да возвысится он! — подвинет ум твой к исканию и отвлечёт от самодовольства. Странно, как извращали, слово, не прилагая приторности к таинственной старине Шумовскому удалось установить точное время жизни поэта. Оно было зашифровано в стихах: XV век. В то время Ширваном правила династия дербенских Ширваншахов: Шейх Ибрагим, Султан-Халил, Фаррух Ясар-хан. XV век — период «золотого века» в европейской истории, был последним самостоятельным государством Ширвана: уже в 1538 году этот край попал под владычество персов, дивившееся почти три столетия».

«Я в Лянкранских привольных степях рождён — поэтом и Аррани», — говорит о себе поэт. Уже в детстве у него появился талант поэта. Мальчиком он пришёл в Шамаху и сразу же был введён под покров дворца для услаждения ушей ширваншаха. Прекрасная девушка Илен подарила ему свою любовь, и его стихи заиграли тёплыми красками. Но умирает совсем юной Илен, и с этого дня блистательного царедворца начинает жгить мрачный пламень. Аррани задумывается о смысле жизни, неотвратимости смерти, назначении поэта, истоках царящей всюду несправедливости. Завидный ум и едкие эпитеты не обошли стороной и персону шаха. Вне себя от ярости он велит сечь перед связанным Аррани всё написанное поэтом, а затем бросить его в тюрьму. За полтора года, с конца 1936 по 1938-й годы, Шумовскому удалось перевести большую часть дивана ширванского поэта. Сам Аррани назвал сборник стихов «Лепестки золотой розы», сюда же вошёл и цикл тюремных стихов — «Узничьи». То, что Диван Аррани сохранился в сравнительно свежей рукописи, Шумовский объясняет тем, что текст был перенесён с ветхого письма, или, быть может, его переписал тот, кто пожелал иметь собственный экземпляр. «А как этот экземпляр оказался в стечень усыпальницы? Был покойный связан происхождением с автором «лепестков»? Или Аррани был его любимым поэтом? А может, какой-то почитатель покойного принес к его последнему лугу лучше, чем имел?.. Или набойный комментатор Корана осудил поэта за предположение муз богословским наукам, не подырая у него рука сразу уничтожить прекрасное, и он зашифровал стихи на дно ниши? Кто теперь мог ответить на это...? Шумовскому не довелось довести исследование до конца: в 1938-1946 годы он был узником ГУЛАГА. И тут начинается самое печальное. Диван Аррани и листки перевода вместе с остальными книгами и конспектами, оставшимися в шкафу под ключом во время его многолетнего отсутствия, бесследно исчезли.

Отчаяние не создаёт. Кто хочет достигнуть своей цели, не должен позволять бесплодным чувствам торжествовать над разумом. Я решил восстановить «Лепестки» своей памятью, — вспоминал учёный. — Лучшее всего я запоминаю, когда запишу, после этого мне уже не надо смотреть в записное, чтобы его восстановить». Эта удивительная способность и помогла Шумовскому восстановить переводы Аррани. Многие пришлось возрождать по единичным фразам, а то и по отдельным словам; помогли, конечно, размер и рифма... Однако восстановленное удовлетворило Шумовского не полностью. То, что увлечённому юноше казалось верхом совершенства, человек, переживавший рубеж третьего десятилетия жизни, — в ряде случаев нашёл слабым. Наступил следующий этап: он очистил каждую строку от сомнительных переводов, постепенно отбирая и сокращая русский текст подлинных самоцелей. «Наконец», — говорит Шумовский, — я дожил до того дня, когда творения древнего ширванского поэта выйдут ко всем центнерам и знаткам прекрасно живущим в сегодняшнем мире. Я мечтал об этом дне тридцать пять лет».

Как Теодор Шумовский открыл для нас удивительного поэта Атааллаха Аррани, учёного доктор филологии по филологии Салиха Алиева. В одном из своих выступлений в СМИ она говорит о том, что книга П. Паранова «Сорок пять поколений философов» включает сведения о самых известных философах мира, начиная с Древней Греции и Рима и до наших дней. «Среди известных имён я вдруг читаю — Атааллах Аррани — азербайджанский поэт и философ. Признаться, я к кому я обращалась за справками (Институт литерату-

ры, Институт рукописей НАНА), впервые узнали о нём от П. Паранова и статей в газетах об известном востоковеде Теодоре Шумовском, который и открыл нам Аррани. Других сведений, к сожалению, не нашло».

К 95-летию учёного публицист Юрий Мамедов написал книгу «В голову солнца его человало». На титульном листе книги значится: «Посвящается выдающемуся учёному-арабисту Теодору Адамовичу Шумовскому, открывшему азербайджанскому народу и миру литературы наследие ширванского поэта Атааллаха Аррани и «Льва арабских морей» Ахмада ибн Маджида». Таким образом, книга Ю. Мамедова — единственное издание, в котором представлен весь перевод дивана Аррани «Лепестки роз». Больше, к сожалению, Аррани не издавался ни на родине, ни в России.

Обучаясь на восточном факультете Ленинградского университета, Т. Шумовский специализировался по арабской филологии и истории Ближнего Востока. Его наставниками были член-корреспондент АН СССР Н. В. Юшманов, академик В. В. Струве и глава советской арабистики академик И. Ю. Крачковский, который и познакомил его летом 1937 года с рукописями Ахмада ибн Маджида, арабского логмана Васко да Гамы, исследование которых стало ещё одним делом жизни Шумовского.

Ещё студентом пятого курса (1938 год) он начал работу над переводом «Трёх неизвестных поэм» Ахмада ибн Маджида, однако смог продолжить свои исследования лишь в 1948 году (между первым и вторым заключением) и завершить только в 1956 году — после окончательного освобождения из ГУЛАГа.

Шумовский был выпущен из лагеря на поселение в период с 1946 по 1948 год. В это время он работал в Новгородском институте усовершенствования учителей, смог параллельно закончить Ленинградский университет и защитить кандидатскую диссертацию на тему: «Три неизвестные поэмы Ахмада ибн Маджида».

Благодаря личной поддержке академика И. А. Орбели и Н. В. Лигулевской Шумовский смог поступить на работу в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. Академическая деятельность Шумовского в институте началась с издания «Трёх неизвестных поэм», которое было опубликовано на португальском и на арабском языках. В 1965 году Шумовский защитил докторскую диссертацию по теме: «Арабская морская энциклопедия XV века», основанную на исследованиях и переводе важнейшей работы Ахмада ибн Маджида «Книга польза об основах и правилах морской науки». Эта работа вызвала большие научные споры, которые осложнили положение Шумовского в Академии наук. Другие значительные осложнения произошли в результате публикации книги «У моря арабистики» (1975) и «Воспоминания арабиста» (1978), в которых Шумовский представил альтернативный взгляд на развитие арабистики в СССР.

Теодор Шумовский продолжил научную и литературную деятельность и после ухода из института. Он дошёл до конца свои работы, посвященные арабскому мореплаванью: подготовил и опубликовал критическое издание «Арабской морской энциклопедии» (1984—1985), а также научно-популярные книги «По следам Синдбада-морехода. Океанская Аравия» (1986) и «Последний лев Арабских морей» (1999). «Последний лев Арабских морей» — как говорил сам Шумовский, «это не сухая академическая работа, а увлекательная повесть о проводнике португальской экспедиции в Индию Ахмед ибн Магиди».

В своих трудах учёный восстановил историческую роль арабов как великой морской нации средневековья. Созданием им «Арабская морская энциклопедия» предоместировала развитую арабскую морскую культуру, которая стояла у колыбели европейской навигации и была уничтожена европейскими завоевателями Востока в XVI веке.

В Тайнах русского языка» Теодор Шумовский также сформулировал свои взгляды на происхождение и развитие русского языка. «Это теперь отдельная работа на 25 страниц, изложенная популярно. Я показываю, что русский язык развивался и обогащался, благодаря заимствованиям из других языков, в основном, восточных. Обогащению настолько, что на нём можно передать тонкости любого современного европейского языка. Я приложил туда свои собственные переводы: с 9 языков, чтобы показать, как можно им пользоваться».

Последние годы жизни учёный работал над антологией своих стихотворных переводов с арабского, персидского и других восточных и западных языков. Несмотря на очень преклонный возраст Теодор Адамович сохранил прекрасную работоспособность. Когда ему задавали вопрос о его годах, он отвечал: «Не признаю слова «старость», с ним у меня связываются ассоциации о бессилии, о болезнях, о калле таме: кха-кха-кха. Мне это чудно. Но, скажем, зрелый, пожилой возраст — это возраст солнечный и благословенный, потому что в эти годы человек собирает золотую жатву опыта, накопленного за всю жизнь, и должен успеть, как можно больше её собрать, чтобы передать людям».

Пускай открыть. Но есть закон нетленный. Особенность, что жизнью нам дана: Пока ты веришь — ты павший лист осенний, Когда твоим — в тебе живет весна».

Подготовила М. ЭЙЛАГ ГЫЗЫ.